

Равиль ХАДЕЕВ,

военный лётчик-испытатель

В ПЯТНИЦУ, ТРИНАДЦАТОГО

Воскресенье. Никуда не пойду. Весь день дома буду сидеть. Вот, в телике поковыряюсь. Уже две лампы вынул, а он работает. Попробую наладить. Изображение нечёткое. Воскресенье – сегодня были бы похороны. Нет не сегодня. Пока расследование... Не сегодня, позже. Стыдно. Так лоханулся. Позавчера, в пятницу, под конец смены с Серёгой Тресковым полетели на воздушный бой. Не на воздушный бой даже, а так, на «обусловленный маневр». Он лейтенант, зелёный ещё совсем.

Нагрузка большая на командира звена. Кэзэ всегда сильно загружен. Двадцать курсантов учим и четыре пилота – все лейтенанты зелёные, их самих учить ещё и учить...

Вылез из кабины:

— Где Тресков?

— Он вас на двадцать шестом ждёт – в-о-о-н там! А ваш борт рядом стоит.

Что-то я запаздываю. С этим слабаком, Пашей Суминым, пришлось два круга дополнительных сделать. Не тянет он, собака, уже нормы все вылетал, выпускать надо самостоятельно, а он не тянет и всё!

— Ну, что, готов?

— Да, всё готово!

— Значит так! Взлетаем парой. Приходим в зону. Как зону займём, по команде «К бою» занимаешь исходное. Выполняешь атаку, я подставляюсь. Крен на тебя тридцать градусов, потом шестьдесят. На вираже делаешь две очереди. Потом спираль. Одну очередь на снижении, потом, на восходящем, ещё очередь... Ну, вроде всё, полетели! За мной запускаешь молча и выруливаешь.

Всё так и сделали, аккуратненько так, как положено. Только потом вспомнил: я же тоже должен отстреляться по нему, чтобы и своё упражнение выполнить. Я же и себе стрелочку нарисовал, значит, должен и плёнку привезти. Как ему-то объяснить теперь, в воздухе? Радиообмен строго регламентирован. Будешь лишнее болтать, на разборе выдерет руководитель полётов. А, ладно, салага он, не успеет сообразить, отстреляюсь.

Закрутил вираж и у него в хвосте – он не ожидал. Отстрелялся спокойно. Но Серёга понял всё не так. Он как мерин вздыбился. Он подумал, что я его провоцирую. Начал гнуть перегрузку. Какой там обусловленный маневр! Пока высота была на вертикалях, потом на виражах, когда высоту израсходовали. Только меня же Буц тренировал, когда я лейтенантом был! Это такое прозвище у Загоруйко было. Загоруйко – самый хулиганистый пилот из стариков. У нас с ним на воздушных боях и в нижней точке струи белые с крыла срывались. Прилетал всегда мокрый, как мышь. А теперь я в

стариках. И прозвище моё – «старый», уже двадцать шесть лет мне. Не составило труда мне за Серёгой удержаться. Даже скучновато, как-то он гнёт резковато, не рационально у него получается. Зелёный лейтенант. Уже бы его сбили... Держусь за ним без труда и всё время он у меня на линии огня. А он дёргается, мечется, только не вырвется из кольца прицела он. Вот сейчас я ещё нос подниму, выше, над ним – преимущество своё ему покажу, чтобы он злее был. Только начал подтягивать – срыв. Завалился в штопор, ну, сразу и вывел. Нос опущен после штопора. Сразу начал выводить из пикирования, и тут же в другую сторону завалился. Тоже вывел сразу, а вытаскивать нельзя – завалится снова в штопор. И не выводить нельзя – вот она земля.

Вижу: падаю. Всё! Хана! Вижу место, куда падаю – между домиком и деревцем чахлым, прямо туда, земля рядом... Только матерные слова на уме. Другого ничего не успел подумать...

Начал вытаскивать осторожно, как мог. Дерево промелькнуло. Кажется, ухожу от земли. Правая нога от напряжения, на педали, как-то дрыгается, крупно так скачет. Да пёс с ней!

Вытащил. Ухожу от земли. Только сказать не могу ничего. Где там Серёга?

Отдышался. Не сразу, но только-то и смог сказать:

— Конец боя!.. — Сдавленным таким голосом.

Пристроился Тресков. Он может, и не всё понял, но молча пристроился, молча идёт в строю...

А в пятницу-то было тринадцатое...

